

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-227-242>

EDN: PTMTOV

Научная статья / Research Article

Некоторые аспекты применения социально-философских идей Л.И. Петражицкого в сфере правового просвещения

В.В. Балановский

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград,
Российская Федерация*

 v.v.balanovskiy@ya.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска прочных, укорененных в отечественной интеллектуальной культуре, оснований для организации системы правового просвещения, которая отвечала бы внутренним потребностям жителей России. С этой целью посредством критической интерпретации источников и компаративного анализа производится оценка ключевых положений политики права Л.И. Петражицкого — основателя русского правового реализма — яркого феномена мировой юридической мысли конца XIX — первой половины XX вв., оказавшего значительное влияние на философию и социологию права в Европе и США. В частности, обосновывается, что для политики права Петражицкого правовое просвещение является не только инструментом обеспечения стабильности общества, связности индивидов внутри социальной группы и между различными социальными группами, но также представляет собой объективный процесс воздействия права на коллективную и индивидуальную психику, результатом которого становится правовая реальность. Приводится трехчастная структура политики права. Моделируется, каким образом аксиомы любви и нравственного прогресса, а также методы политики права — политико-правовой дедукции и индукции — могут быть применены для решения задач правового просвещения сегодня. При этом выявляются недостатки концепции Л.И. Петражицкого и предлагаются пути их исправления за счет обращения к идеям его учеников и последователей — П.А. Сорокина и Б.П. Вышеславцева. Так, показывается, что правовая педагогика Петражицкого, не учитывающая значительное мотивационное воздействие бессознательных содержаний психики на поведение индивидов и масс, может быть дополнена принимающей во внимание эти факторы психагогией Вышеславцева, которая стала результатом пересмотра идей Ш. Бодуэна и К.Г. Юнга. Кроме того, обосновывается, почему психагогия имеет хороший эвристический потенциал для решения главной задачи политики права — совершенствования действующего законодательства. Демонстрируется, что предложенные Петражицким способы эмпирической проверки эффективности правового просвещения, отчасти нашедшие воплощение в современной нам практике мониторинга правоприменения в Российской Федерации, могут быть конкретизированы

© Балановский В.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и дополнены за счет применения предложенных Сорокиным шести критериев морально-правового термометра, сформулированных в результате осмысления понятия правового прогресса в социологическом измерении.

Ключевые слова: русский правовой реализм, Петербургская школа философии права, правовое просвещение, политика права Л.И. Петражицкого, амитология П.А. Сорокина, психагогия Б.П. Вышеславцева

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00704, <https://rscf.ru/project/25-28-00704/>.

История статьи:

Статья поступила 02.08.2025

Статья принята к публикации 15.11.2025

Для цитирования: Балановский В.В. Некоторые аспекты применения социально-философских идей Л.И. Петражицкого в сфере правового просвещения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 1. С. 227–242. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-227-242> EDN PTMTOV

Some Aspects of Application of Leon Petrażycki's Socio-Philosophical Ideas in the Field of Legal Education

Valentin V. Balanovskiy

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

 v.v.balanovskiy@ya.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to find solid foundations rooted in Russian intellectual culture for organizing a system of legal education that would meet the internal needs of Russians. To this end, the key provisions of Leon Petrażycki's Legal Policy (Civilpolitik) are evaluated by methods of a critical interpretation of sources and comparative analysis. Petrażycki is the founder of Russian legal realism, a striking phenomenon of world legal thought in the late 19th and first half of the 20th centuries, which had a significant impact on the philosophy and sociology of law in Europe and the United States. In particular, it is showed that for Petrażycki's Legal Policy legal education is not only a tool for ensuring the stability of society and the connectivity of individuals within a social group and between different social groups, but also represents an objective process of legal norms' impact on the collective and individual psyche, which results in legal reality. It models how the Legal Policy axioms of love and moral progress, as well as the methods of legal deduction and induction can be applied for improvement of legal education today. At the same time, the shortcomings of Legal Policy are revealed and ways of correcting them are proposed by referring to the ideas of followers of Petrażycki — Pitirim Sorokin and Boris Vysheslavtsev. Thus, it is shown that Petrażycki's legal pedagogy, which does not take into account the significant motivational impact of unconscious psyche contents on the behavior of individuals and the masses, can be supplemented by Vysheslavtsev's Psychagogy, which considers these factors. In addition, it substantiates why Psychagogy has a good heuristic potential for solving the main task of Legal Policy — the improving current legislation. It is demonstrated that the methods of empirical verification of the effectiveness of legal education proposed by Petrażycki, which have

desperately found their way into the practice of law enforcement monitoring in the Russian Federation, can be specified and supplemented by applying the six criteria of the moral and legal thermometer proposed by Sorokin.

Keywords: Russian legal realism, St. Petersburg School of Philosophy of Law, legal education, Leon Petrażycki's Legal Policy, Pitirim Sorokin's Amitology, Boris Vysheslavtsev's Psychagogy

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00704, <https://rscf.ru/project/25-28-00704/>.

Article history:

The article was submitted on 02.08.2025

The article was accepted on 15.11.2025

For citation: Balanovskiy VV. Some Aspects of Application of Leon Petrażycki's Socio-Philosophical Ideas in the Field of Legal Education. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(1):227–242. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-227-242> EDN PTMTOV

Введение

За долгие годы широкого употребления в рамках общественно-политического дискурса понятие правового просвещения стало приобретать оттенок бессистемной [1. С. 29] формальной практики, некоей обязательной части образовательного или воспитательного процесса, целевой аудиторией которого преимущественно является молодежь. Однако если обратиться к выдающимся примерам отечественной философии права и социологии, видевшим в морали и праве силы, фундирующие общество и обеспечивающие его безопасность и стабильность, силы, без которых невозможно конструктивное взаимодействие индивидов внутри социальных групп и между социальными группами, становится очевидным, что игнорирование ценности правового просвещения для всех возрастных групп граждан или формальный подход к его организации — это прямой путь к дестабилизации общества, нарастанию антагонизмов и, как следствие, к возникновению войн и революций¹. Как подчеркивал П.А. Сорокин, «без права нет государства, а не наоборот» [3. С. 26].

При этом можно предположить, что правовое просвещение, равно как и прочие инструменты формирования и развития правовой культуры индивидов², достигает оптимальной эффективности только тогда, когда опирается на фундаментальные открытия в области философии, психологии и социологии

¹ Правомерность этого тезиса продемонстрировал на богатом эмпирическом материале один из создателей современной социологии П.А. Сорокин, см. [2. С. 357–396].

² Здесь можно воспользоваться понятием, сформулированным А.В. Поляковым, который определял правовую культуру как «совокупность текстов, отражающих правовую реальность, а также деятельность по их созданию, хранению и трансляции» [4. С. 450] или «суммативный продукт процесса правовой коммуникации и одновременно условие и пространство ее бытия» [4. С. 451].

права. Причем целесообразнее всего обращаться к собственному интеллектуальному наследию, то есть к идеям, которые, если так можно выразиться, уже «районированы» для засеивания и взращивания на отечественной почве. В противном случае, то есть когда поиск основы для организации правового просвещения ведется в трудах зарубежных мыслителей, не учитывавших специфику исторического развития России и особенностей мировосприятия ее жителей, это грозит возникновением не дающих устойчивого результата ситуативных практик, связанных с механистическим переносом чуждых ментальных конструкций.

В обрисованном контексте особый интерес представляет наследие представителей русского правового реализма — яркого явления мировой правовой мысли. Концептуальную базу течения сформулировали представители Петербургской школы философии права [5], в первую очередь, Л.И. Петражицкий. Многие из его последователей стали авторами оригинальных теорий, создателями социологии права, пионерами изучения правосознания и бессознательных элементов правовой индивидуальной и коллективной психики — П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич, Б.П. Вышеславцев и другие. Современными правопреемниками школы можно назвать известных российских исследователей А.В. Полякова [6], И.Л. Честнова [7], Е.В. Тимошину [8], М.В. Антонова [9] и других.

Ввиду обширности наследия русского правового реализма и ограниченности формата исследования ниже представлена попытка в первом приближении оценить социально-философское значение правового просвещения для политики права Петражицкого, определить основания и методы правового педагогического воздействия на индивидов, предложить способы исправления некоторых слабых моментов правовой педагогики Петражицкого за счет концепций его последователей — амитологии П.А. Сорокина и психагогии Б.П. Вышеславцева.

В контексте предлагаемого исследования наследие русского правового реализма интересно не только потому, что оно содержит имеющие важное теоретическое значение открытия, проливающие свет на психологические основания правосознания, но также и практические рекомендации по формированию правосознания и совершенствованию правовой культуры, многие из которых, правда, нуждаются в экспликации и реконструкции, а иногда — в очистке от преходящих исторических напластований.

Политика права и правовое просвещение: структура и методы

Согласно Петражицкому право — это «психический фактор общественной жизни, и оно действует психически» [10. С. 3–4]. Фактор этот реален, имеет конкретное выражение в форме эмоций, возникающих в результате особого взаимодействия индивидов — правоотношений. Формы объективации опыта правоотношений бывают разными — правовые убеждения, юридические нормы, социальные институты [11. С. 22].

Исполнение или неисполнение норм права во многом зависит от того, насколько отдельные индивиды или социальные группы психологически готовы принять эти нормы, воспринять их как свою внутреннюю потребность, а не чужеродное внешнее давление. Проще говоря, мало дать гражданам совершенное законодательство, важно, чтобы они оказались психологически готовы следовать ему. Отсюда рождается идея политики права, которая, с одной стороны, призвана исправлять позитивное — то есть явно сформулированное и публично закрепленное в своде законов — право (законотворческая функция), а, с другой стороны, формирует готовность индивидов жить по законам и через это нравственно совершенствоваться (педагогическая функция). Как подчеркивал Петражицкий, «разумное право представляет нравственную школу, воспитательное учреждение для народа и человечества вообще» [11. С. 12]. Таким образом, для Петражицкого правовое просвещение оказывается не только инструментом, обеспечивающим связность индивидов внутри социальной группы и между социальными группами посредством формирования единых ценностей, лежащих в основе правовых эмоций и убеждений, но также объективный процесс, обусловленный самой природой воздействия права на индивидуальную и коллективную психику, результатом которого являются, с одной стороны, нормы и институты, с другой стороны, — характер каждого члена социальной группы.

Так как для Петражицкого политика права — это, прежде всего, наука и свой подход он позиционирует исключительно как научный [11. С. 2], то она должна опираться на прочные основания — аксиомы. Первой среди них является аксиома, согласно которой «любовь есть высшее благо, т. е. идеал и конечная цель» [11. С. 22]. Ее Петражицкий также называет аксиомой практического разума.

Вторая аксиома состоит в том, что нравственный и правовой прогресс не только возможен, но и, как следует из истории человечества, реален [11. С. 10]. Последнее позволяет утверждать, что разумная политика права может и должна ускорять и направлять этот процесс [11. С. 12]. Эта аксиома коррелирует с антропологией Петражицкого, который полагал, что человек и общество одновременно выступают в качестве объектов воздействия и субъектов производства права [11. С. 22].

Сами по себе аксиомы политики права не имеют практического значения, если мы не имеем представления об устройстве и динамике правовой психики [12. С. 595]. Действительно, с точки зрения Петражицкого, «право регулирует и направляет поступки людей посредством психического воздействия, например (но не только), посредством возбуждения в нашей душе таких или иных мотивов как сознательных причин положительных действий или воздержаний» [11. С. 11]. Причем «успешное действие права в этом смысле предполагает соответствие его с психической природою субъекта» [11. С. 11]. Поэтому учение об аксиомах политики права Петражицкий дополняет учением о психологических предпосылках правового воздействия.

Кроме того, политика права обладает своими методами — политико-правовой или психологической дедукцией и индукцией. Дедукция, исходя из знаний о фундаментальном устройстве правовой психики и из перечисленных выше аксиом, позволяет предположить, как нормы права влияют или повлияют в будущем на поведение индивидов, а также какие изменения законодательства требуются для получения желаемого правового или педагогического воздействия [10. С. 4]. Причем ведущая роль здесь отводится аксиоме любви [13. S. 623], с которой должны соотноситься законодотворцы.

В свою очередь, индукция применяется с целью опытной проверки выводов политико-правовой дедукции. Как полагал Петражицкий, богатый фактический материал для этого поставляет, в первую очередь, история римского и обычного права, к которой и следует обращаться для эмпирической оценки воздействия той или иной нормы. Тому, как это работает на практике, посвящен целый раздел одного из первых фундаментальных трудов Петражицкого «Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich» [13. S. 581–628].

Перечисленные выше три ключевых компонента политики права — правовая психология, аксиомы и учение о методе — находят отражение как в деятельности по совершенствованию законодательства, так и в правовом просвещении. То есть педагогическое воздействие следует осуществлять с учетом особенностей переживания правовых эмоций и законов формирования правовых убеждений, сведения о которых можно почерпнуть из эмоциональной психологии Петражицкого [10]. Кроме того, правовое просвещение должно выстраиваться вокруг высшей ценности деятельной альтруистической любви [10. С. 3] к ближнему и служить делу нравственного прогресса и пользоваться методами политики права. И если с реализацией первых двух компонентов при осуществлении правового педагогического воздействия все относительно ясно, то применение политико-правовой дедукции и индукции может вызвать некоторые вопросы.

Так, опираясь на труды Петражицкого, в общих чертах можно смоделировать потенциальное содержание просветительских мероприятий. Например, их можно строить вокруг изучения истории права и нравственности, в частности, разбора аксиом политики права. Кроме того, на просветительском мероприятии можно рассмотреть особенно удачные и актуальные в наше время положения римского или обычного права, проинтерпретированные через призму концептуального аппарата политики права. Можно также анализировать эмпирические данные об историческом и текущем состоянии хозяйственных правоотношений, регулируемых гражданским правом. Также в духе современных кейс-стади (case study) можно разобрать нюансы столкновения норм позитивного (официального) и интуитивного (неофициального) права и тому подобное.

Вместе с тем при решении задачи выбора предпочтительных технологий педагогического воздействия (правовая педагогика) и осуществления

мониторинга результатов правового просвещения (политико-правовая индукция) могут возникнуть трудности.

Психагогия Вышеславцева как дополнение правовой педагогики Петражицкого

В выборе просветительской тактики Петражицкий исходит из общего, довольно оптимистичного, положения, что образование — это не обуза, а реальная психологическая потребность. В труде, посвященном образованию и науке в высшей школе, он настаивает, что «возникновение университетов следует психологически объяснять не столько потребностями и стремлением к знанию со стороны не-ученых, сколько стремлением к общению и сообщению своих идей и открытий другим со стороны ученых» [14. С. 182]. Соответственно, крайне важно, чтобы лектор горел наукой политики права и своими эмоциями зажигал эмоции в психике слушателей. Поэтому, видимо, Петражицкий был бы противником дистанционного обучения, так как без живого проводника знаний уяснить что-либо способны только люди со специальной подготовкой, уже горящие страстью познания и умеющие самостоятельно извлекать необходимую информацию из источников, поскольку «восприятие лекции в аудитории (истинного ученого) — принципиально и существенно отличается от восприятия напечатанного путем чтения. Ибо здесь, в аудитории, восприятие суждений, интеллектуальных ценностей, происходит на почве эмоциональной вибрации, соответствующей такому же эмоциональному процессу в психике ученого на кафедре» [14. С. 189].

Проблема поиска подходящего лектора осложнена не только тем, что этот «жрец науки» [14. С. 200] должен быть по-настоящему увлеченным человеком, но также спецификой аудитории. Петражицкий справедливо отмечает, что «легче обмануть специалиста знатока человеческих характеров и мизантропа к тому же, чем массу чуткой и впечатлительной молодежи» [14. С. 200].

Кроме того, процесс обучения сопряжен как с сознательными усилиями преподавателя и реципиента педагогического воздействия, так и с бессознательными факторами. В решении этой задачи куда дальше, чем Петражицкий, продвинулся его последователь Вышеславцев, исследовавший особенности функционирования бессознательных элементов правовой психики и показавший разницу силы мотивационного воздействия директивных рациональных нормативных предписаний — закона — и основанного на ценности любви непрямого суггестивного воздействия, апеллирующего к бессознательным структурам, — благодати [15. С. 16–30].

Привлечение идей Вышеславцева с целью организации правового просвещения в контексте практической реализации политики права Петражицкого важно также и потому, что образовательный процесс обязательно содержит элементы внушения — внушения знаний или ценностей. В этом отношении полезным может быть обращение к «психагогии». Таким соединением

терминов «психология» и «педагогика» Вышеславцев называл учение о самостоятельном возвращении души и созидательном направлении психической энергии. В психагогии выразилось его «стремление подчинить произвольно-бессознательные внушения, которые мы пассивно и часто нецелесообразно получаем, — внушениям произвольно-сознательным» [16. С. 71]. Открытие психагогии Вышеславцев приписывает Нансийской школе, исходившей из положения, что любое внушение есть самовнушение [16. С. 72], хотя нечто подобное можно встретить уже у И.Г. Песталоцци в его идее «самовоспитания»³.

Психагогия ценна тем, что признает принципиальную активность индивида, в том числе в процессе обучения. Она учит тому, что, раз все внушение — это самовнушение, то ответственность за то, какими содержаниями наполняется психика, во много лежит на самом человеке. Однако помимо ответственности индивид наделен способностью управлять этими содержаниями, выявлять не только то, что ему внушает кто-то посторонний, но и то, что он внушает себе сам, в том числе паттерны поведения, которые вредят ему самому и ухудшают качество взаимодействия с другими индивидами. Ключевую роль в психагогии играет разработанное Вышеславцевым учение о сублимации, позволяющей вести душу путем благодати, что позволяет избежать отторжения педагогического правового воздействия.

Для психагогии характерен упор на всестороннее образование, включающее освоение техник самовнушения, психической гигиены, а также эстетическое развитие индивидов и расширение возможностей заниматься творчеством для всех, вне зависимости от возраста, предпочтений, рода занятий. Казалось бы, прямой связи с правовым просвещением здесь нет. Однако Вышеславцев исходит из характерного так же для Юнга представления, что все социальные беды, включая правовой нигилизм, возникают от обилия психически нездоровых и односторонне-развитых людей, из которых формируется массовое общество. Чем разностороннее индивид, чем разнообразнее его занятия, а для этого государство должно создавать условия, тем он психически здоровее, тем меньше вероятность противоправного поведения, не согласующегося с ценностью всеобщей альтруистической любви. Здесь, кстати, видится переключка с идеями Сорокина, полагавшего, что зачастую дезинтеграционные процессы в обществе обусловлены мировоззренческой узостью профессиональных групп. Поэтому чтобы избежать «моноидеизма» [17. С. 484], возникающего у представителей одной профессии, а следовательно, конфронтации с остальными, необходима «частая перегонка людей из профессии в профессию» [17. С. 484]. Для этого, в том числе законодательно, должно быть закреплено право на смену профессии и созданы условия для такой «перегонки».

Развитие психагогии Вышеславцев считал куда более актуальной задачей, чем решение проблем, связанных с появлением атомной бомбы в силу

³ *Вышеславцев Б.П.* Письмо К.Г. Юнгу от 07.11.1945 // ETH C.G. Jung Papers Collection. N 1056: 11 687. S. 1.

того, что «именно от направления психической энергии зависит, кем и для чего будет использоваться атомная энергия»⁴. Он настаивал на создании института психагогии, хоть нечто подобное основал его коллега Ш. Бодуэн. Впрочем, учреждение Бодуэна не имело достаточных финансовых ресурсов для качественного решения стоящих перед ним задач⁵, а сам он, как и К.Г. Юнг, не сумел показать, каким образом могут быть связаны внушение, свободная воля и творчество [15. С. 106], что важно для организации просвещения. Действительно, психагогия открывает путь к педагогике, дающей большую свободу обучающемуся в формировании своей собственной траектории, причем не только в масштабе школы или университета, но всей жизни, поскольку самовращивание — это бесконечный процесс, прерываемый только смертью. Хотя, возможно, Вышеславцев и Юнг вряд ли были склонные считать смерть финальной точкой этого процесса, учитывая характер содержаний коллективной психики.

Также идеи Вышеславцева могут пригодиться непосредственно в реализации задачи политики права, связанной с совершенствованием законодательства. Можно предположить, что чем больше позитивное право отвечает принципам благодати, тем более охотно оно принимается к исполнению гражданами. В чем это будет выражаться на практике? Вероятно, в том, что начнет экспоненциально расширяться область правоотношений, связанная с саморегулированием, а нормы позитивного права, издаваемые органами государственной власти и местного самоуправления, начнут выражать, скорее, общие принципы, а не походить на подробную инструкцию к каждому случаю жизни.

Морально-правовой термометр Сорокина как расширение политико-правовой индукции

Что касается политико-правовой индукции, с помощью которой следует проверять эффективность педагогического воздействия, то, следуя за Петражицким, можно было бы, конечно, каким-то образом обратиться к римскому праву, к наиболее удачным его положениям с целью установления, насколько правовые убеждения индивидов расходятся с ними. Вероятно, это не совсем удачная идея, учитывая множество факторов, о которых говорит сам Петражицкий, настаивая, что мы должны учитывать исторические и культурные условия возникновения римского права и современного нам права [11. С. 22]. Поэтому возникает необходимость поиска каких-то иных, в том числе не индивидуальных⁶ методов проверки качества просветительского воздействия на коллективную психику.

⁴ *Вышеславцев Б.П.* Письмо К.Г. Юнгу от 07.11.1945 // ETH C.G. Jung Papers Collection. N 1056: 11 687. S. 2.

⁵ Там же.

⁶ Конечно, после каждого занятия в рамках правового просвещения можно было бы проводить глубинное тестирование правовых убеждений и эмоций каждого адресата воспитательного воздействия, но на практике это может оказаться затруднительным.

Здесь на помощь могут прийти социологические методы оценки проявлений правовых убеждений и эмоций индивидов. Что-то подобное предлагает сам Петражицкий. Он настаивал, что политике права крайне важно опираться на актуальный эмпирический материал, дополняющий судебную статистику и свидетельствующий о «благоприятном или неблагоприятном фактическом действии правовых норм и институтов» [13. С. 619–620]. Все потому, что судебная статистика — это лишь малая часть правовой реальности, поскольку судом рассматривается только случаи нарушения права, а не то, как оно работает в норме, равно как врач имеет дело с болезнью, а не со здоровым организмом.

Сбор таких данных следует осуществлять везде, где возможно: в городах и в селах в разных государствах, и заниматься этим станут множество практикующих агентов-активных участников хозяйственной деятельности. В этом процессе следует участвовать кафедрам, журналам, ассоциациям, конгрессам по вопросам политики права, которые призваны сформировать «эмпирический правно-политический материал, пригодный для использования» [13. С. 619–620].

По сути, в современной России существует подобная практика эмпирической проверки функционирования норм права — это законодательно утвержденная в Российской Федерации процедура мониторинга правоприменения⁷. Этот инструмент, как и призывал Петражицкий, опирается на статданные, в том числе сведения об исполнении решений и определений Конституционного суда Российской Федерации. Кроме того, в духе политики права к мониторингу правоприменения привлекаются не только участники судопроизводства, но также независимые сообщества хозяйствующих субъектов, например, торгово-промышленные и общественные палаты.

Вместе с тем критики мониторинга правоприменения отмечают методологическое несовершенство данной процедуры [18. С. 25]. Одной из главных задач этой процедуры является выяснение того, исполняются ли решения Конституционного суда Российской Федерации. Однако, как отмечают, социологи права, занимающиеся изучением правосознания судей высших судов России, «правосознание судей замыкает их интересы внутри правовой системы, и последствия их решений в социальной жизни их не особенно беспокоят» [19. С. 124]. То есть одна из главных задач мониторинга правоприменения по какой-то причине оказывается не в полной мере востребована теми, в чьих интересах он проводится.

Отсюда возникает вопрос, какими критериями или параметрами можно было бы дополнить мониторинг правоприменения для повышения его эффективности и приспособления к решению задач правового просвещения? Здесь можно обратиться к идеям Сорокина, который вслед за Петражицким продолжил размышлять о нравственном прогрессе в контексте амитологии — учения

⁷ См. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

о деятельной альтруистической любви [20; 21], — и при этом обладал более совершенным социологическим инструментарием.

Так, Сорокин предлагает шкалу оценки общего состояния социума в духе политики права. Она получила название морально-правового термометра [3. С. 161–164]. Оценка состояния правосознания масс по этой шкале должна осуществляться по шести критериям.

Первый критерий связан с тем, насколько общество в том числе посредством позитивного права справляется с задачей учета и соблюдения прав личности. Причем важно не только то, чтобы эти права де-юре и де-факто признавались, но также и то, насколько социум настроен «на служение личности и интересам ее развития» [3. С. 161].

Второй критерий состоит в том, насколько в обществе соблюдается правовое равенство личностей. Для Сорокина было важно, чтобы люди, пусть и не равные от рождения по физическим, интеллектуальным, экономическим и другим характеристикам, имели гарантированные равные возможности для получения образования, медицинских услуг, участия в политической жизни. Отсюда следует его формула, согласно которой «только равноценные личности могут быть самоценными» [3. С. 161].

Третий критерий отражает количественный рост солидарности и социально-благожелательного поведения в обществе. Сорокин предлагает производить исчисление лиц, «по адресу которых не допускается совершение злостных и вредных для них поступков, с одной стороны, и интересы которых защищаются правом — с другой» [3. С. 162]. Этот критерий позволяет оценить, насколько каждый член общества готов защищать законные интересы представителей всех социальных групп, составляющих данное общество, насколько высок или низок градус ксенофобии, насколько широк круг людей, которых каждый член общества воспринимает как ближнего, насколько далеко отстоит граница разделения на своих и чужих.

Четвертый критерий связан с третьим, только он позволяет оценить не количество, а качество роста солидарности. То есть мало, например, признать право незащищенных групп на социальную защиту, важно, насколько эффективно эта защита осуществляется. Одно дело, если представитель некоего общества готов лишь уступить ближнему место в общественном транспорте, другое дело — способен ли он ради ближнего на самопожертвование [3. С. 162]. Оценке в данном случае подлежит качество социальной политики государства и степень отзывчивости самих граждан по отношению к ближнему. В частности, таким сознательным проявлением отзывчивости Сорокин считал прогрессивную шкалу налогообложения [3. С. 162–163].

Пятый критерий оценки связан со снижением роли наказаний и наград [3. С. 163]. Чем развитее общество, тем меньшее значение имеет система поощрения социально-полезного и наказания социально-вредного поведения. В этом Сорокин полностью солидарен с Петражицким. Он тоже полагал, что посредством права воспитывается личность, для которой служение обществу

будет само по себе наградой, не нуждающейся в каком-то ином внешнем подкреплении [12. С. 574].

Последний, шестой, критерий морально-правового термометра состоит в оценке качества средств, которыми обеспечивается социально-благожелательное поведение. В несовершенном обществе социально-адекватное поведение добывается почти исключительно посредством наказаний, в чуть более развитом — посредством апелляции к эгоистическим чувствам, к мотиву выгоды, а в совершенном обществе люди ведут себя социально адекватно из осознания долга [3. С. 163–164].

В современных условиях данные для оценки посредством морально-правового термометра можно черпать как из официальных докладов государственных и общественных организаций — судов, министерств общественных палат, уполномоченных по правам человека, ребенка или предпринимателей, так и из независимых тематических социологических исследований.

Однако само по себе усовершенствование процедуры мониторинга правоприменения вряд ли даст желаемые результаты, если она не будет никак связана с правовым просвещением. Сейчас это две параллельные реальности, которые, если и пересекаются, то в единичных аудиториях, в которых выступают очень эрудированные правоведаы. Вместе с тем, если следовать принципам политики права, правовое просвещение может и должно быть, возможно даже на государственном уровне, увязано с мониторингом правоприменения и любыми другими социологическими исследованиями правовой психики, которые позволяют выявлять наиболее острые проблемы, связанные с восприятием и реализацией норм права. Тогда это позволит говорить о системности правового педагогического воздействия.

Заключение

Как было показано выше, правовое просвещение для политики права Петражицкого — это не какой-то проходной момент, некая навязанная директивно выхолощенная процедура, измеряющаяся в мероприятиях и количестве участников, наводящая равную тоску на лекторов и аудиторию. Представители школы русского правового реализма не видели иной силы обеспечения устойчивости и совершенствования общества, кроме совершенствующей силы права. Для них воздействие права на индивидов — это не спекулятивный, а экзистенциальный вопрос, вопрос социальной онтологии.

В политике права Петражицкого можно отыскать подходы к правовому просвещению, которые при должном осмыслении способны поставить этот процесс на прочную, укорененную в наших истории и культуре, основу. Разумеется, взятые в исходном виде для решения задач, стоящих перед современной Россией, они вряд ли произведут весомый положительный эффект. Однако так как мы имеем дело с целой школой, с плеядой выдающихся мыслителей, которые развили идеи Петражицкого в тех областях, в которых были сведущи больше всего, как Сорокин в социологии или Вышеславцев

в массовой психологии, подходы эти могут и должны быть дополнены идеями других представителей русского правового реализма.

Так, социальная педагогика Сорокина во много продолжает двигаться путями политики права, очерченными Петражицким, но делает это смелее и лучше, так как опирается на более совершенный социологический инструментарий, в большей степени учитывает фактор психологии социальных групп, а не отдельных индивидов. Во главу правовой реальности он точно так же ставит ценность деятельной альтруистической любви, что выразилось в концепции амитологии. При этом Сорокин пытается конкретизировать образ будущего, в котором альтруизм занимает предначертанное русским правовым реализмом место. Это помогает уточнить вытекающие из политики права Петражицкого методы количественной и качественной оценки результатов педагогического воздействия на массы.

В свою очередь идеи Вышеславцева позволяют выстроить процесс правового просвещения таким образом, чтобы он отражался не только в сознании индивидов, но также затрагивал глубинные структуры психики. Он одним из первых обратил внимание на то, насколько зачастую расходятся сознательные мотивы и фактическое правовое поведение людей, а также на феномен иррационального ответа на директивные рациональные предписания. Проведя демаркацию между мотивирующим воздействием закона и благодати, Вышеславцев предлагает путь, согласующийся с ценностью любви. Одним из способов преодоления этого пути является психагогия, как самовоспитание души в благодати. Учет идей Вышеславцева позволяет избежать иррационального противления правовому просвещению.

В заключение отмечу, что несмотря на обвинения русского народа в правовом нигилизме, которые, конечно, имеют некоторые основания в менталитете, достаточно вспомнить исследования Н.О. Лосского о нигилизме и хулиганстве, следует также всегда помнить, что таким же фактом нашего правосознания и правобессознательного является ярчайший за последние сто лет феномен в области философии права — русский правовой реализм. Возможно, он появился путем такого же, как выражался Петражицкий, бессознательно-удачного социально-психического приспособления народа и призван служить «антидотом» от правового нигилизма. Поэтому стоит хотя бы попробовать применить это «лекарство» от распространенных социальных «недугов». Другой вопрос, насколько, пусть и с учетом изложенных выше предложений, политика права сможет справиться с правовым просвещением сегодня. Ответ будет, скорее всего, положительным, так как уже появляются примеры использования идей Петражицкого и Вышеславцева в просветительской деятельности⁸.

⁸ Здесь в качестве примера высокого потенциала применения политики права Петражицкого и психагогии Вышеславцева к правовому просвещению молодежи можно привести используемые десятками образовательных учреждений — от вузов до школ и детских садов — методические рекомендации по формированию навыков информационной гигиены, разработанные с опорой на идеи русского правового реализма (Балановский В.В. Методические рекомендации и материалы по информационной гигиене в молодежной среде: Учебное

Список литературы

- [1] *Истомин М.А., Нечкин А.В.* Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 26–33. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-26-33 EDN: VYXHQO
- [2] *Сорокин П.А.* Социология революции // Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар : Анбур, 2015. С. 261–590.
- [3] *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве // Популярныe очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар : Анбур, 2019. С. 22–192.
- [4] *Поляков А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М. : Проспект, 2016. EDN: FRRXDA
- [5] Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018.
- [6] *Polyakov A.* The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / ed. by B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2018. P. 1–35. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4_1 EDN: VRNNFR
- [7] *Честнов И.Л.* Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 50–58. EDN: VZVOJT
- [8] *Timoshina E.* The Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law of Leon Petrażycki in the Context of the Analytical Phenomenological Tradition // Russian Legal Realism / ed. by B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2018. P. 111–126.
- [9] *Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л.* Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95. EDN: SIZUFD
- [10] *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, 1908.
- [11] *Петражицкий Л.И.* Введение в науку политики права // Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб. : Юридическая книга, 2010. С. 3–184.
- [12] *Петражицкий Л.И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб. : Юридическая книга, 2010. С. 561–598.
- [13] *Petrażycki L.* Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Band II. Berlin : Verlag von H. W. Müller, 1895.
- [14] *Петражицкий Л.И.* Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования: в 2 томах. Т. 1. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, 1907.
- [15] *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати // Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М. : Республика, 1994. С. 1–152.

электронное издание. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023).

- [16] *Вышеславцев Б.П.* Внушение и религия // *Путь*. 1930. № 21. С. 61–75.
- [17] *Сорокин П.А.* Популярные очерки социальной педагогики и политики // *Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар : Анбур, 2019. С. 405–532.*
- [18] *Руденко В.В.* Проблемы методического обеспечения мониторинга правоприменения в России // *Мониторинг правоприменения*. 2015. № 1 (54). С. 24–30. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-24-30 EDN: DGVVVLV
- [19] *Фогельсон Ю.Б.* Правосознание российских судей и его отражение в судебной практике высших судов // *Закон*. 2018. № 1. С. 108–126. EDN: YOGUVH
- [20] *Sorokin P.A.* Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love // *Soziologische Forschung in Unserer Zeit / hrsg. K.G. Specht. Köln : Springer Fachmedien Wiesbaden, 1951. S. 277–279.*
- [21] *Sorokin P.A.* The ways and power of love: types, factors, and techniques of moral transformation. Boston : The Beacon Press, 1954.

References

- [1] Istomin MA, Nechkin AV. Legal enlightenment in Russia: modern problems of theory and practice. *Juridical Journal of Samara University*. 2021;7(2):26–33. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-26-33 EDN: VYXHQO
- [2] Sorokin PA. The Sociology of Revolution. In: *Leaves from a Russian Diary. The Sociology of Revolution*. Sapov VV, editor. Syktyvkar: Anbur publ.; 2015. P. 261–590. (In Russian).
- [3] Sorokin PA. An Elementary Textbook of the General Theory of Law in Connection with the Doctrine of the State. In: *Popular Essays on the Theory of Law, Sociology and Social Pedagogy*. Sapov VV, editor. Syktyvkar: Anbur publ.; 2019. P. 22–192. (In Russian).
- [4] Polyakov AV. *General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach*. Moscow: Prospekt publ.; 2016. (In Russian). EDN: FRRXDA
- [5] Polyakov AV, Timoshina EV, editors. *Saint Petersburg School of Legal Philosophy: to the 150th Anniversary of the Birth of Leon Petrażycki*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ.; 2018. (In Russian).
- [6] Polyakov A. The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought. In: Brožek B, Stanek J, Stelmach J, editors. *Russian Legal Realism*. Cham: Springer Nature Switzerland AG; 2018. P. 1–35. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4_1 EDN: VRNNFR
- [7] Chestnov IL. Practical Dimension of the Communicative Theory of Law. *Pravovedenie*. 2015;4(321):50–58. (In Russian). EDN: VZVOJT
- [8] Timoshina E. The Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law of Leon Petrażycki in the Context of the Analytical Phenomenological Tradition. In: Brožek B, Stanek J, Stelmach J, editors. *Russian Legal Realism*. Cham: Springer Nature Switzerland AG; 2018. P. 111–126.
- [9] Antonov MV, Polyakov AV, Chestnov IL. Legal Communication and the Russian Theory of Law. *Pravovedenie*. 2013;6(311):78–95. (In Russian). EDN: SIZUFD
- [10] Petrażycki LI. *Introduction to the Study of Law and Morality. Foundations of Emotional Psychology*. Saint Petersburg: Y.N. Erlich’s Printing House; 1908. (In Russian).
- [11] Petrażycki LI. Introduction to the Science of Legal Policy. In: *Theory and Policy of Law. Selected Works*. Timoshina EV, editor. Saint Petersburg: Yuridicheskaya kniga publ.; 2010. P. 3–184. (In Russian).

- [12] Petrażycki LI. To the Question of the Social Ideal and the Revival of Natural Law. In: *Theory and Policy of Law. Selected Works*. Timoshina EV, editor. Saint Petersburg: Yuridicheskaya kniga publ.; 2010. P. 561–598. (In Russian).
- [13] Petrażycki L. *Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich*. Band II. Berlin: Verlag von H. W. Müller; 1895.
- [14] Petrażycki LI. *University and Science. An Essay on Theory and Technique of University Affairs And Scientific Self-Education in 2 volumes*. Vol. 1. Saint Petersburg: Y.N. Erlich's Printing House; 1907. (In Russian).
- [15] Vysheslavtsev BP. *Ethics of Transformed Eros*. Sapov VV, editor. Moscow: Respublika publ.; 1994. (In Russian).
- [16] Vysheslavtsev BP. Suggestion and Religion. *Put'*. 1930;(21):61–75. (In Russian).
- [17] Sorokin PA. Popular Essays on Social Pedagogy and Policy. In: *Popular Essays on the Theory of Law, Sociology and Social Pedagogy*. Sapov VV, editor. Syktyvkar: Anbur publ.; 2019. P. 405–532. (In Russian).
- [18] Rudenko VV. Problems of Methodological Support for Legal Enforcement Monitoring in Russia. *The Monitoring of Law Enforcement Journal*. 2015;1(54):24–30. (In Russian). DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-24-30 EDN: DGVVLV
- [19] Fogelson YuB. Legal Consciousness of Russian Judges and Its Reflection in the Judicial Practice of Higher Courts. *Zakon*. 2018;(1):108–126. (In Russian). EDN: YOGUVH
- [20] Sorokin PA. Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love. In: Specht KG, editor. *Soziologische Forschung in Unserer Zeit*. Köln: Springer Fachmedien Wiesbaden; 1951. S. 277–279.
- [21] Sorokin PA. *The ways and power of love: types, factors, and techniques of moral transformation*. Boston: The Beacon Press; 1954.

Сведения об авторе:

Балановский Валентин Валентинович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт образования и гуманитарных наук, доцент, Высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14, город. ORCID: 0000-0002-7859-2152. SPIN-код: 3446-7013. E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

About the author:

Balanovskiy Valentin V. — PhD in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute for Education and Humanities, Associate Professor, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7859-2152. SPIN-code: 3446-7013. E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru